

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

УДК 271.2+930.2

DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-1-58-71

Мемуары как источник по истории Русской православной церкви в 1918–1921 гг.

Александр В. Сипейкин

*Тверской государственный университет,
Тверь, Россия, sipeykin@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена оценке значения мемуаров как источника по истории Русской православной церкви в 1918–1921 гг. В условиях Гражданской войны те источники, которые представляются более «объективными» по сравнению с источниками личного происхождения, отчасти теряют свое значение. Нормативные документы зачастую представляли из себя «декларацию о намерениях», и реальная политика часто сильно отличалась от того, что было провозглашено в законах. Старая система делопроизводства была уничтожена вместе со старым государственным аппаратом, новая только начала создаваться, что не могло не сказаться на качестве отраженной в официальных документах информации. В этих условиях сведения, содержащиеся в источниках личного происхождения, приобретают особое значение. Они позволяют увидеть события глазами их непосредственных участников и очевидцев, понять их чувства и мотивы. Интерес представляют как воспоминания архиереев, священников и мирян, так и мемуары тех, кто осуществлял антирелигиозную политику. Сравнительный анализ различных нарративов в источниках личного происхождения и сопоставление данных воспоминаний с данными архивных документов позволяет уточнить важные детали истории Русской православной церкви в начале XX в. Воспоминания являются важным источником по истории гонений на верующих, позволяют получить важные данные о политической позиции Русской православной Церкви.

Ключевые слова: источники личного происхождения, советская антицерковная политика, советская антирелигиозная политика, Русская православная церковь в годы Гражданской войны 1918–1921 гг., белое движение и Русская православная церковь

Статья поступила в редакцию 1 сентября 2023 г.;

принята к публикации 23 ноября 2023 г.

Для цитирования: Сипейкин А.В. Мемуары как источник по истории Русской православной церкви в 1918–1921 гг. // История и архивы. 2024. Т. 6. № 1. С. 58–71. DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-1-58-71

Memoirs as a source on the history of the Russian Orthodox Church in 1918–1921

Alexandr V. Sipeikin

Tver State University, Tver, Russia, sipeikin@yandex.ru

Abstract. The article about evaluating the importance of the memoirs as a source of the history of the Russian Orthodox Church in 1917–1921. Under the conditions of the Civil War, those sources that appear to be more “objective” than those of personal origin lose some of their significance. The normative documents were often a “declaration of intent” and the actual policies were often very different from what was proclaimed in the laws. The old system of office work was destroyed together with the old state apparatus, the new one was just beginning to be created, which could not but affect the quality of information reflected in official documents. In such circumstances, the information contained in sources of personal origin acquires special meaning. They give us the opportunity to see the events through the eyes of their immediate participants and witnesses, to understand their motives and feelings. Of interest are both the memoirs of archpriests, priests and laymen, and the memoirs of those who implemented anti-religious policy. The comparative analysis of various narratives in sources of personal origin and comparison of such memories with the data of archival documents allows specifying important details of the history of the Russian Orthodox Church at the beginning of the 20th century. The memoirs are an important source on the history of the repressions against believers; they also provide valuable information about the political stance of the Russian Orthodox Church.

Keywords: sources of personal origin, Soviet anticlerical policy, Soviet antireligious policy, Russian Orthodox Church in the period of the Civil War of 1918–1921, White Movement and the Russian Orthodox Church

The article was submitted 01.09.2023;

accepted for publication 23.11.2023.

For citation: Sipeikin, A.V. (2024), “Memoirs as a source on the history of the Russian Orthodox Church in 1918–1921”, *History and Archives*, vol. 6. no. 1, p. 58–71, DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-1-58-71

Основные группы мемуаров и их главные характеристики

Среди исследователей сложилось представление о воспоминаниях как источнике, менее важном по сравнению с нормативными документами и делопроизводственными материалами. Первые относятся к группе источников «субъективных», вторые в большей степени отражают протекающие в обществе объективные процессы. Поэтому значение мемуаров, дневников и писем сводится к тому, чтобы дополнить данные архивных материалов, которые становятся основным источником [Шкаровский 2005, с. 58]. С точки зрения архивной эвристики преимущества второй группы действительно неоспоримы. Зная функции, выполняемые конкретным подразделением той или иной организации, можно достаточно быстро найти информацию по интересующей исследователя теме. Что касается источников личного происхождения, ценные сведения по тому или иному вопросу можно найти в самых неожиданных местах, в брошенной мимоходом фразе мемуариста – случайного очевидца событий.

И наоборот, воспоминания людей, занимавших позиции, которые делали их хорошо осведомленными в том или ином вопросе, зачастую содержат только сведения, не представляющие большой важности или искаженные. Искажение сведений было обусловлено как результатом вытеснения и других форм «психологической защиты», так и политической ангажированностью мемуаристов. Как справедливо отмечают исследователи, для воспоминаний как источника характерны непреднамеренные ошибки во времени наступления определенных событий и высокая доля оценочных суждений [Долгих 2004, с. 34]. Характерен пример воспоминаний тверского большевика Д. Фролова, который отмечает, что в процессе написания текста «отдельные отрывки воспоминаний» «стали затушевываться грандиозной картиной социалистического строительства, которое разворачивается перед нашими глазами»¹. В воспоминаниях белоэмигрантов, соответственно, те же самые события описывались в ином, гораздо более темном цвете. Причем образ гонимой Церкви занимает в создаваемой ими картине важную роль.

В воспоминаниях большевиков сюжеты, связанные с антицерковной политикой, занимают сравнительно небольшое место. Так, например, встречаются только скупые упоминания кампании по разоблачению мощей и борьбы за изгнание религии из школы и «вторичную социализацию» в атеистическом духе женщин

¹ Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). Ф. 114. Оп. 2. Д. 173. Л. 5.

работниц². Зачастую даже в случаях, когда по должности автор воспоминаний должен был быть хорошо осведомлен об особенностях проведения советской политики в отношении религии и Церкви, они остаются в мемуарах своего рода «фигурой умолчания». Поэтому в целом гораздо более информативными оказываются мемуары, написанные представителями другой стороны конфликта.

В мемуарах, хранящихся в фонде Истпарта, дается описание революционного перехода из «темного эксплуататорского прошлого в светлое социалистическое будущее». Вся жизнь российского общества до революции предстает в мемуарах как пропитанная несправедливостью и насилием: мужчин над женщинами, взрослых над детьми, богатых над бедными, власть имущих над нижестоящими. В этой ситуации «попы» выступают как те, кто освящает и оправдывает существующую несправедливость. Это в глазах авторов мемуаров, хранящихся в фондах Истпарта, делает естественным насилие в отношении «попов», выражающееся, например в хулиганском избии священника («поколотили попа за Волгой»)³.

Для мемуаров белогвардейцев характерна скорее ностальгия по утерянному прошлому, во многих из них дается описание бегства из «красного ада в белый рай». Причем одной из основных причин превращения жизни в России в «ад» многими называется именно кризис веры. Так, в воспоминаниях лидеров белого движения потеря религиозности рассматривается как симптом «разложения» русской армии в 1917 г., ее наличие – как признак здорового настроения⁴. Горькие размышления о неспособности церковных деятелей остановить убийство тверского губернатора Н.Г. фон Бюнтинга, их неумении говорить с охваченным революционным безумием народом содержатся в мемуарах Вениамина (Федченкова)⁵.

Несмотря на все недостатки воспоминаний как источника, следует отметить, что в сложные периоды истории, когда старая система управления (и связанная с ней система делопроизводства) разрушена, а законы принимаются без надежды на их полную реализацию, в качестве своего рода пропагандистских заявлений о желаемом (но едва ли достижимом в ближайшем будущем) положении роль источников личного происхождения резко возрастает. Большевики испытывали дефицит квалифицированных

² Там же. Оп. 1. Д. 104. Л. 16; Оп. 2. Д. 85. Л. 9; Д. 168. Л. 16.

³ Там же. Оп. 2. Д. 17. Л. 110б., 84–88, 103–104, 107; Д. 153а; Д. 161. Л. 4–7.

⁴ Краснов П.Н. На внутреннем фронте // Архив русской революции: В 22 т. Т. 1–2. М., 1991. С. 154.

⁵ Вениамин (Федченков И.А.). На рубеже двух эпох. М., 1994. 446 с.

кадров, способных вести работу с документами на должном уровне. В белом движении опытных чиновников хватало, но во время плохо организованной эвакуации значительная часть фондов белого движения была утеряна⁶. Не менее сложной является ситуация с сохранностью документов церковного делопроизводства [Черкасова 2018, с. 40].

Сильно сказывается на ценности мемуаров как источника масштаб личности автора документа. Некоторые воспоминания представляют из себя своего рода сборник комплиментов себе самому⁷. Ценность подобных мемуаров можно оценить по знаменитой формуле Л. Толстого, согласно которой в числителе оказывается то, что человек из себя представляет, а в знаменателе – то, что он мнит о самом себе. Интересной информации в воспоминаниях людей, чрезмерно зацикленных на своей особе, как правило, не очень много. Интересно, что Феодосий Алмазов в своих воспоминаниях ничего не говорит о протоиерее Михаиле Чельцове, с которым вместе находился в тюрьме, и, соответственно, не упоминает о своей беседе со священномучеником, который укорил его за пристрастие к азартным играм. Наоборот, согласно воспоминаниям Феодосия Алмазова, в тюрьме он «был в почете»⁸. Возможно, что данный эпизод был просто вытеснен из сознания священника. Воспоминания же протоиерея Михаила (Чельцова) представляют из себя противоположный пример того, насколько масштаб личности мемуариста сказывается на качестве отраженной в документе информации. В них можно проследить то, как воспринимались ужасные события гонений на Церковь в сознании духовно развитого и глубоко воцерковленного человека. Так, например, страдания священнослужителей в тюрьмах и ссылках М. Чельцов воспринимал как часть Божьего Промысла.

С одной стороны, протоиереи и другие пастыри искупали свою вину «перед народом и христианством за многие наши прегрешения перед ними». С другой стороны, присутствие священников среди заключенных было необходимо для того, чтобы помочь тем найти утешение⁹.

⁶ Соколов Н.К. Правление генерала Деникина // Белое дело: Избранные произведения: В 16 кн. Кн. 7: Кубань и Добровольческая армия. М., 1992. С. 236–237.

⁷ *Архимандрит Феодосий (Алмазов). Мои воспоминания (записки соловецкого узника)* / Подгот. текста М.И. Одинцова. М., 1997. С. 43, 47, 50, 55, 127.

⁸ Там же. С. 40; Чельцов М.П., протоиерей. Верю в Промысл Божий. М., 2022. С. 57–58.

⁹ Чельцов М. Указ. соч. С. 50–51.

Другим примером подобных воспоминаний являются мемуары архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). В них содержатся важные сведения о биографии священноисповедника в период 1917–1921 гг. [Орабей 2020, с. 28–58]. Но в первую очередь они интересны описанием положения Церкви в годы гонений в период 1920–1930-х гг., когда автор мемуаров стал священником, а затем занял важное место в церковной иерархии¹⁰. Таким образом, воспоминания архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) являются хорошим примером того, насколько качество отраженной в мемуарах информации обусловлено социальным положением и степенью осведомленности автора.

В соответствии с указанным критерием степени осведомленности о положении церковных дел важнейшую группу воспоминаний, активно используемую современными исследователями истории Русской православной церкви, составляют мемуары ведущих церковных деятелей эпохи. В них содержатся ценные сведения о событиях «церковной смуты», описываются обстоятельства работы различных церковных форумов, даются емкие характеристики деятельности и характера церковных иерархов¹¹.

Воспоминания о роли Русской православной церкви в организации белого движения

Важные сведения по истории отношений между Церковью и политическими режимами, установившихся в различных частях страны после революции 1917 г., содержатся в мемуарах лидеров белого движения. В них дается характеристика политических настроений в среде духовенства, попытках его пробудить в народе национальные чувства через приходы и организации вроде «ордена св. Креста» и «дружины Святого Креста», описываются попытки наладить систему церковного управления в новых условиях. Описываются примеры проповедей, которые произвели сильное впечатление на аудиторию¹², торжественных богослужений и панихид,

¹⁰ Лука (Войно-Ясенецкий), арх. «Я полюбил страдание...»: Автобиография. М., 1995. 208 с.

¹¹ Протопресвитер Георгий Шавельский. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. М., 1996; Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: воспоминания. М., 1994. С 621; Вениамин (Федченков). Указ. соч.

¹² Будберг А. Дневник белогвардейца: Воспоминания. Мемуары. Мн., М., 2001. С. 286, 300, 309; Врангель П.Н. Записки. Ч. 1 // Белое дело: Избранные произведения: В 16 кн. Кн. 2: Последний главком. М., 1995.

проводившихся перед войсками. Причем воздействие богослужений описывается мемуаристами как крайне благотворное, вызывающее «бесповоротное решение» «сложить свои головы» за Святую Русь¹³. Сходным образом в некоторых мемуарах описывается и воздействие на настроение населения мусульманского и буддийского духовенства¹⁴.

Приводят мемуаристы и примеры активного сотрудничества между представителями духовенства и воинскими подразделениями Добровольческой армии¹⁵. Мемуаристы, ссылаясь на показания тех, кто перешел через фронт на сторону белых, утверждают, что среди широких слоев населения «в глубине России» было распространено представление о том, что «белая армия идет со священниками в полном облачении, с хоругвями и поют “Христос Воскресе”». Причем, если верить мемуаристам из числа белоэмигрантов, подобные легенды вызвали надежды на то, что с приходом белых вернется «родная, близкая Русь». Так, Колчака в занятой белыми войсками Перми «все слои населения» встречали «как народного вождя, выдвинутого самим Богом для спасения Родины»¹⁶.

Большой интерес для истории взаимоотношений между светской и духовной властью на Юге России представляют содержащиеся в воспоминаниях характеристики деятельности «Управления вероисповеданий» и политической позиции его главы князя Г.Н. Трубецкого¹⁷. Не менее важны данные мемуаристами характеристики вождей белого движения, содержащие оценку уровня их религиозности. Причем иногда, как свидетельствуют воспоминания, религиозный настрой даже мешал военачальникам выполнять свои служебные обязанности. Так, в воспоминаниях К.В. Сахарова о генерале Дитерихсе описывается вера того в «высшую небесную миссию и в чудесное избавление от большевиков». Его мистическая уверенность мешала адекватному

С. 11, 29–30, 39–41, 43, 98, 103, 148, 172, 237; *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: вооруженные силы Юга России // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 80–105; № 10. С. 113–115; Белое дело: Избранные произведения: В 16 книгах. Кн. 11: Белый Крым. М., 1992. С. 73, 333.

¹³ Белое дело: Избранные произведения: В 16 кн. Кн. 3: Дон и Добровольческая армия. М., 1992. С. 284; *Сахаров К.В.* Белая Сибирь: (внутренняя война 1918–1920 гг.). М., 2017. С. 91, 94–95, 163–164, 204–205; *Соколов Н.К.* Указ. соч. С. 45, 255.

¹⁴ *Сахаров К.В.* Указ. соч. С. 166, 393–395, 413–414.

¹⁵ *Врангель П.Н.* Указ. соч. С. 114, 208.

¹⁶ *Сахаров К.В.* Указ. соч. С. 105, 110–111.

¹⁷ *Соколов Н.К.* Указ. соч. С. 162.

восприятию действительности и принятию рациональных управленческих решений¹⁸.

Уровень религиозности и промонархических настроений в населении, по оценке некоторых авторов воспоминаний, был настолько велик, что для того, чтобы привлечь на свою сторону широкие массы, большевики вынуждены были даже прибегать к обману, выдавая себя за представителей великого князя Николая Николаевича, «который взял на себя власть над русским народом», назначил Ленина и Троцкого своими министрами и приказал «поднять народ против Колчака» и Деникина, продолжающих «дело предателя Керенского». Сторонниками большевиков распространялись соответствующие воззвания, призывающие «встать на защиту поруганной Святой Руси и Русского народа»¹⁹.

Авторы воспоминаний не скрывают тех трудностей, с которыми столкнулись пастыри в своих попытках преодолеть «угрожающий упадок нравственности в армии». С одной стороны, главнокомандующий хорошо осознавал необходимость воздействия духовенства на солдат, поскольку гражданская война «извратила все нравственные понятия, грязнила душу». Необходимость соответствующего воздействия со стороны духовенства признавалась выдающимися пастырями, например митрополитом Вениамином (Федченковым). Но в то же время, как признает П.Н. Врангель, фактически «ничего не делалось для духовно-религиозного воспитания войск. Работы духовенства в войсках почти не было». И то, что делалось, не могло переломить господствующие среди участников белого движения упаднические настроения. Многие священники «не имели никакого представления» о целях белого движения, не знали, «что такое представляла из себя белая армия, чего она добивается». Но даже харизматичные пастыри, прилагавшие значительные усилия для того, чтобы вдохновить воинов на бранные подвиги, и преуспевшие в этом, могли невольно приносить вред вместо пользы. В качестве примера можно указать описанный П.Н. Врангелем и В.А. Оболенским пример «патриотической» деятельности отца Востокова, антисемитские «погромные» проповеди которого мемуаристы характеризуют как «талантливые и сильные», производящие «огромное впечатление». Успех этого «отличного оратора», умевшего «захватывать толпу», приводил не к объединению участников белого движения против общего врага, а внесению раскола в их ряды. Как считал В.А. Оболенский, дух «злой реакции», выразителем которого стал священник Востоков, отнюдь не культивировался лидерами белого дела: «реакция... развивалась стихийно». Более того, как считает

¹⁸ Сахаров К.В. Указ. соч. С. 201, 386.

¹⁹ Там же. С. 215–216.

автор воспоминаний, «никто бы не усидел во главе управления, кто бы вздумал с ней серьезно бороться»²⁰.

В связи с этими морально-этическими проблемами белого движения можно вспомнить знаменитые высказывания В.В. Шульгина о том, что «белые не могут кощунствовать: они носят Бога в сердце» и что белое дело начали «почти святые», но затем оно попало в руки «почти бандитов». С горечью описывает мемуарист старания увязавшего в грязи «почтенного полкового батюшки» в больших калошах и с зонтиком в руках урезонить грабящих мирное население солдат. Как отмечает В.В. Шульгин, «ни один из “белых” офицеров не шевельнул пальцем, чтобы помочь священнику». Более того, впоследствии они обсуждали «комичность» этой ситуации, снисходительно посмеиваясь над не понимающим жизнь попиком: «Хороший наш батюшка, право, но комик». Не менее показателен пример попыток митрополита Платона создать «священный отряд», в котором неожиданно оказались «уголовные элементы»²¹.

Интерес в этой связи представляет точка зрения митрополита Вениамина (Федченкова), согласно которой «не религия двигала белых». Представителей этого движения он характеризует как в целом (за рядом исключений) религиозных, но, по оценке архипастыря, «эта вера была прохладная, как проявление традиции, старого быта ушедшего строя и, конечно, как противоположение безбожным большевикам»²².

Приводятся в воспоминаниях белоэмигрантов и примеры пастырей, которые в годы Смуты оказались трусами или изменниками. Так, священник Талабской церкви Леонид Колосов снял с себя сан и стал комиссаром²³. Подобный пример приводится в воспоминаниях члена РКП (б) Т.А. Андреева. Он описывает деятельность «попа» Малыгина, который после революции «отрекся от поповской роли» и стал членом большевистской партии и даже заведующим Уездным отделом народного образования. Карьера его не сложилась, в 1918 г. он был осужден за присвоение изъятых у помещиков имущества²⁴. Такие описания перекликались с нарративом коварных священников в советской периодике и хорошо вписывались в создаваемый в советской культуре образ попа как лукавого

²⁰ *Врангель П.Н.* Указ. соч. С. 27, 40, 254; *Белый Крым...* С. 105–106; *Сахаров К.В.* Указ. соч. С. 354.

²¹ *Шульгин В.В.* Дни: 1920: Записки / Сост и авт. вступ. ст. Д.А. Жуков; коммент. Ю.В. Мухачева. М., 1989. С. 290–292, 294, 312–313.

²² *Вениамин (Федченков).* Указ. соч. С. 194.

²³ *Пермикин Б.С.* Генерал, рожденный войной: Из записок 1912–1959 гг. М., 2011. С. 49.

²⁴ ТЦДНИ. Оп. 2. Д. 4. Л. 26.

и корыстного приспособленца. Между тем феномен «революционного попа» не всегда можно было объяснить столь просто. Характерен пример «эсерствующего попа» Александра Поведского, описанный в мемуарах одного из тверских партийных деятелей. После того как представители губернской советской власти были арестованы за систематический алкоголизм и многочисленные нарушения правопорядка, этот «поп» стал на две недели председателем Губернского исполнительного комитета²⁵. Подобные случаи свидетельствуют о том, что на местах существовала реальная возможность налаживания контакта между властью и отдельными леворадикально настроенными представителями духовенства. Использовать этот потенциал мешало лишь соответствующее положение большевистской идеологии о несовместимости религии и социализма. Поэтому стоящие за такими казусами тенденции в настроениях части духовенства можно было использовать лишь для усугубления раскола среди «попов», что впоследствии найдет применение в политике органов безопасности по организации «обновленческого движения» [Каиль 2018, с. 69–89].

Воспоминания как источник по истории гонений на духовенство и верующих

Большое значение для исследователей имеют воспоминания рядовых священников и прихожан, а также воспоминания людей, чуждых Церкви, но являвшихся свидетелями происходивших в России гонений на религиозные организации, например мемуары эмигрировавших представителей «небольшевистских» социалистических партий. Давая характеристику информационным возможностям этих источников, следует различать, во-первых, степень объективности отраженных в них исторических фактов и, во-вторых, то, насколько верно в них отражены мысли и настроения людей того времени. Мемуары были зачастую написаны спустя значительное время после пережитых событий. «Временной лаг» между временем написания текста и временем, которое в нем описано, не мог не сказаться на качестве отраженной в источнике информации.

На характер отражения информации в каждой из групп источников оказывали влияние те интересы, представления и принципы, которые были присущи их авторам. Так, во многих мемуарах представителей умеренных социалистических партий репрессии против Русской православной церкви являлись чем-то вроде «фигуры

²⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 70. Оп. 3. Д. 74. Л. 15, 19.

умолчания». При этом в этих воспоминаниях содержатся ценные сведения о судьбе инославных конфессий в Советской России, например протестантизма и иудаизма. Впрочем, не заметить православных священников в тюрьмах было невозможно. В некоторых мемуарах социалистов-заключенных дано описание духовенства как особой группы, сильно отличающейся как по своему внешнему виду, так и бытовым привычкам²⁶. Некоторыми мемуаристами из числа социалистов подчеркивается низкий моральный уровень отдельных священников и иереев, например «распутинского» епископа Варнавы²⁷.

Гораздо больше внимания репрессиям против духовенства уделяется в мемуарах воцерковленных людей – как иереев, так и мирян²⁸. Согласно воспоминаниям рядовых участников событий, на православных священнослужителей приходился «исключительно большой процент жертв... Почти каждое село насчитывало такие жертвы». Духовенство (наряду с бывшими фабрикантами, домовладельцами, чиновниками, офицерами, кадетами и юнкерами) называется в числе тех групп населения, которыми были переполнены тюрьмы²⁹.

Едва ли столь многочисленные свидетельства о гонениях против духовенства являются тенденциозным преувеличением. Парадоксальным образом они подтверждаются свидетельствами, данными представителями противоположного лагеря. Так, в воспоминаниях Е. Степанова содержится рассказ о том, как проезжавший через Вышний Волочек отряд красноармейцев, чтобы «усмирить поднявшихся монахов», выпустил по монастырю несколько снарядов, «после чего буза черная улеглась». Содержатся в мемуарах, хранящихся в фондах Истпарта, и другие свидетельства о расправах с духовенством, которое якобы поднимало народ на контрреволюционные выступления³⁰. Подобная откровенность мемуаристов-большевиков не случайна. Как отмечает современный исследователь истории белого движения С.В. Волков, большевики сами не

²⁶ Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев / Сост., предисл., коммент. С.В. Волкова. М., 2010. С. 100, 104, 113–114, 130.

²⁷ Там же. С. 130–131.

²⁸ Будберг А. Указ. соч. С. 62; Евлогий (Георгиевский), митр. Указ. соч. С. 285–286; Записки священника Сергея Сидорова, с приложением жизнеописания, составленного его дочерью В.С. Бобринской. М., 2019. С. 31; Красный террор глазами очевидцев. С. 239, 242.

²⁹ Красный террор на Юге России / Предисл., коммент. С.В. Волкова. М., 2013. С. 38; Краснов П.Н. Указ. соч. С. 307.

³⁰ ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 2. Д. 73. Л. 2; Оп. 1. Д. 104. Л. 20.

пытались скрывать масштабы репрессий. Более того, они старались распространять информацию о них, поскольку тем самым решалась главная задача террора – запугивание возможных противников [Волков 2010, с. 16]. По справедливому замечанию А. А. Гришина, «священнослужитель всегда находился на виду, и его уничтожение оказывало огромный деморализующий эффект на прихожан» [Гришин 2023, с. 56].

Содержатся в мемуарах эмигрантов и сведения о репрессиях против активных прихожан, например Полонского, арестованного в качестве председателя епархиального съезда по обвинению в «организации прихожан против отделения церкви от государства»³¹.

Для советских мемуаров характерно представление о духовенстве как заведомо контрреволюционной силе³². Именно этим и объясняют мемуаристы-большевики необходимость репрессий против них. Между тем, судя по мемуарам эмигрантов, вступление большевиков в Ростове в феврале 1918 г. было встречено «хлебом-солью и звоном колоколов». Но после этого в первый же час пребывания большевиков начались расправы над священниками. Поводом для этих гонений стало их участие в обряде похорон погибших белогвардейцев³³. В результате подобных случаев священники боялись служить панихиды по жертвам красного террора³⁴.

Заключение

Таким образом, как воспоминания защитников советского режима, так и мемуары его противников позволяют предположить, что цифры погибших от красного террора священников, которые можно получить при изучении официальных документов, могут оказаться заведомо неполными. Данное совпадение в оценке масштабов репрессий против духовенства в мемуарах эмигрантов и большевиков тем более поразительно, что в целом они противоположны в своих оценках событий начала XX в.

Как и все другие источники, воспоминания требуют критического подхода, однако это отнюдь не умаляет их значения, поскольку именно мемуары позволяют взглянуть на ситуацию начала XX в.

³¹ Красный террор в Москве... С. 89.

³² РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 277. Л. 1; Д. 276. Л. 5; Д. 705. Л. 36–37; ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 2. Д. 17. Л. 11об., 84–88, 103–104, 107; Д. 153а; Д. 161. Л. 4–7.

³³ Красный террор на Юге... С. 40, 43.

³⁴ Там же. С. 81.

глазами живших в ней людей. То, что представляется очевидным современным людям, отнюдь не было таковым для тех, кто жил в те бурные времена. То, что мы задним числом воспринимаем в качестве неизбежного результата всех предшествовавших событий, участниками этих событий переживалось как ситуация неопределенности, в которой они пытались действовать в соответствии со своими интересами, представлениями и принципами. Ценность воспоминаний и других источников личного происхождения заключается в первую очередь в том, что они позволяют воссоздать уникальную духовную атмосферу ушедшей эпохи. Если сместить акцент исследования с якобы определяющих ход истории объективных процессов на то, как события переживались их непосредственными участниками, самими творцами истории, значение эго-документов как источника трудно переоценить.

Литература

- Волков 2010 – Волков С.В. Предисловие // Красный террор глазами очевидцев / Сост., предисл., примеч. С.В. Волкова. М., 2010. С. 5–20.
- Гришин 2023 – Гришин А.А. Протоиерей Сергей Андреевич Сахаров: судьба священнослужителя в обстановке гонений на Церковь 1930-х гг. // История и архивы. 2023. Т. 5. № 2. С. 53–64.
- Долгих 2004 – Долгих Ф.И. Правые в III и IV Государственных Думах России (1907–1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 270 с.
- Каиль 2018 – Каиль М.В. Епископ Леонид (Скобеев): опыт «негероической биографии» // Новый исторический вестник. 2018. № 4. С. 164–176.
- Орабей 2020 – Орабей Г. Н., иерей. Подвижник веры и науки: пастырское служение архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). М.: Сибирская Благовонница, 2020. 381 с.
- Черкасова 2018 – Черкасова М.В. Организация церковных архивов в Самарской епархии (1918–2018) // Отечественные архивы. 2018. № 4. С. 39–44.
- Шкаровский 2005 – Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг.). М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005. 400 с.

References

- Cherkasova, M.V. (2018), "Organization of the Church archives in the Samara eparchy (1918–2018)", *Otechestvennye arkhivy*, no. 4, pp. 39–44.
- Grishin, A.A., (2023), "Archpriest Sergei Andreevich Sakharov. The fate of a priest under the conditions of serious persecutions against the Church in the 1930s", *History and Archives*, vol. 5, no. 2, pp. 53–64.

- Dolgikh, F.I. (2004), *Pravye v III i IV Gosudarstvennykh Dumakh Rossii (1907–1917 gody)* [The Far-Rights in the 3rd and 4th State Duma of Russia (1907–1917)], Ph.D. Thesis (History), Moscow, Russia.
- Kail', M.V. (2018), "Bishop Leonid (Skobeev). Essay on the 'non-heroic biography'", *The New Historical Bulletin*, no. 4. pp. 164–176.
- Orabei, G.N., priest. (2020), *Podvizhnik very i nauki – pastyrskoe sluzhenie arkhiepiskopa Luki Voino-Yasenetskogo* [A devotee of faith and science. The pastoral ministry of Archbishop Luka (Voino-Yasenetsky)], Sibirskaiia Blagozvonitsa, Moscow, Russia.
- Shkarovskii, M.V. (2005), *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' pri Staline i Khrushcheve (Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 godakh)* [The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev. State-Church relations in the USSR in 1939–1964], Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ia, Moscow, Russia.
- Volkov, S.V. (2010), "Preface", in Volkov, S.V., compl., *Krasnyi terror glazami ochevidtsev* [The Red Terror through the eyes of the witnesses], Moscow, Russia, pp. 5–20.

Информация об авторе

Александр В. Сипейкин, кандидат исторических наук, Тверской государственный университет, Тверь, Россия; 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33; sipeykin@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-3235-0297

Information about the author

Alexandr V. Sipeikin, Cand. of Sci. (History), Tver State University, Tver, Russia; 33, Zhelyabov St., Tver, Russia, 170100; sipeykin@yadex.ru
ORCID ID: 0000-0002-3235-0297